

Карл Густав
ЮНГ

О духовных
явлениях
в искусстве и науке

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Карл Юнг

**О духовных явлениях
в искусстве и науке**

«Издательство АСТ»

1963

УДК 159.9
ББК 88.3

Юнг К. Г.

О духовных явлениях в искусстве и науке / К. Г. Юнг —
«Издательство АСТ», 1963 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-139316-8

Согласно представлениям Юнга, каузальная обусловленность личностью имеет лишь опосредованное значение, когда мы говорим о произведениях искусства. Особенный смысл подлинного произведения искусства, по мнению Юнга, в том и состоит, что оно вырывается из оков личностной сферы на простор, оставляя далеко позади всю временность и недолговечность ограниченной индивидуальности. В сборник вошли произведения, в которых Юнг размышляет о творцах и их творениях на примере Зигмунда Фрейда, Парацельса, Пикассо, Джеймса Джойса и других. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-139316-8

© Юнг К. Г., 1963
© Издательство АСТ, 1963

Содержание

От редакции оригинального издания	6
I. Парацельс	7
II. Парацельс как врач	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Карл Густав Юнг

О духовных явлениях в искусстве и науке

© Walter Verlag AG, Olten, 1974

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Анваер, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

От редакции оригинального издания

На достижения выдающихся личностей можно смотреть с разных точек зрения. Каждую такую личность возможно оценивать под углом индивидуального развития, исторического влияния или неумолимого коллективного воздействия, выражаемого обычно в определении «дух времени» (*Zeitgeist*). Юнг уделял особое внимание важнейшим культурным движениям в истории человечества, прежде всего алхимии, ибо они, по его мнению, восполняли дух времени или вырастали из него, а еще его немало интересовал творческий дух, который проявил себя в столь непохожих друг на друга областях, как медицина, психоанализ, востоковедение, изобразительное искусство и литература. Статьи о Парацельсе, Фрейте, синологе Рихарде Вильгельме, Пикассо и «Улиссе» Джойса объединены в настоящем издании в качестве наглядного отражения приведенных выше утверждений; в двух других работах литературные произведения обсуждаются вне связи с личностью и психологией конкретных авторов. Источник научного и художественного творчества обнаруживается в архетипической структуре, в первую очередь в динамике «духовного архетипа», и данный факт составляет основу всех статей, вошедших в настоящий сборник.

Эта книга выходит в свет на десятый год после смерти К. Г. Юнга и является десятой по порядку в собрании его сочинений. Увы, минувшее десятилетие печально отмечено уходом из жизни всех тех, кто первым приступал когда-то к редакционным трудам: Лена Гурвиц-Эйснер умерла 4 января 1965 г., Марианна Нихус-Юнг – 15 марта того же года, а первый издатель собрания сочинений Альберт Рашер – 5 июня 1969 г. Первого августа того же года, почти два месяца спустя, скончался Франц Риклин, психиатр и врач, лично отобранный Юнгом и включенный в состав редколлегии.

После закрытия издательства «Rascher Verlag» мы продолжили работу над собранием сочинений с издательством «Walter Verlag» и с нетерпением ожидаем выхода первых томов, подготовленных этой целеустремленной и перспективной компанией. Хочется надеяться, что читатели, собирающие полное собрание сочинений К. Г. Юнга, не станут сильно возражать против некоторых изменений во внешнем оформлении издания.

Еще раз благодарим фройлен Марию Луизу Аттенхофер за тщательную подготовку именного и тематического указателей.

*Редакция,
Рождество 1970 г.*

I. Парацельс

Доклад, прочитанный в доме, где родился Парацельс, – в Айнзидельне (кантон Швиц) в июне 1929 года по приглашению Литературного клуба Цюриха. Первая публикация: «Lesezirkel» (Цюрих), XVI, 10 сентября 1929 г. Первая книжная публикация: «Wirklichkeit der Seele» (Цюрих, 1934 г.), отдельно напечатано в Санкт-Галлене в 1952 г.

¹ Замечательный человек по имени Филипп Ауреол Бомбаст фон Гогенгейм, известный как Теофраст Парацельс¹, родился в этом доме 10 ноября 1493 года. Будучи средневекового склада мышления и наделенный живым интересом к мирозданию, он, пожалуй, счел бы само собой разумеющимся, если бы мы, проявляя уважение к обычаям тех дней, бросили взгляд на положение солнца в миг его рождения. Тогда солнце находилось в знаке Скорпиона, а этот знак, согласно древней традиции, благоприятен для врачей, для людей, занимающихся ядоварением, и для целителей. Управитель² Скорпиона – гордый и воинственный Марс, дарящий сильным доблесть и мужество, а слабых награждающий сварливым и вспыльчивым нравом. Весь ход жизни Парацельса вполне соответствовал этим обстоятельствам его рождения.

² Опуская взоры долу, с неба на землю, на которой он был рожден, мы видим родительский дом в глубине уединенной и пустынной долины, над которой нависают мрачные леса и которая окружена суровыми могучими горами, что замыкают собой коварные склоны с изобилием оврагов и расщелин вокруг меланхолического Айнзидельна. Величественные пики Альп вздымаются угрожающе близко, и здесь мощь природы наглядно затмевает волю человека; живая и грозная, она повелевает и подчиняет, не предполагая сопротивления. Здесь природа заведомо сильнее человека, и никто не может от нее убежать: стильные воды, непоколебимые скалы, корявые деревца с торчащими среди камней корнями и отвесные утесы – все рождает в душе каждого местного жителя страсти, не поддающиеся искоренению, вселяет в сердца характерное швейцарское упрямство, твердость, прямоту и ту гордость за себя, которую можно истолковывать по разному; в благоприятном ключе – как уверенность в себе, а в неблагоприятном – как угрюмое самодовольство. Некий француз однажды отметил: «Le Suisse est caractérisé par un noble esprit de liberte, mais aussi par une certaine froideur peu agreeable»³.

³ Отец-Солнце и Мать-Земля, похоже, больше причастны к становлению характера Парацельса, нежели его кровные родители. По отцовской линии, это нужно отметить, Парацельс был не швейцарцем, а швабом, приходился сыном Вильгельму Бомбасту, незаконнорожденному потомку Георга Бомбаста из Гогенгейма, великого магистра ордена рыцарей святого Иоанна⁴. Рожденный под сенью Альп, на лоне более могущественной земли, которая, несмотря на упомянутое происхождение, сделала его своим отпрыском, Парацельс явился в мир с нравом швейцарца – в полном соответствии с тем неведомым законом топографии, что управляет человеческими судьбами.

⁴ Мать Парацельса была родом из Айнзидельна, больше о ней сказать нечего. Зато об отце, с другой стороны, известно многое, причем довольно отрицательного свойства. Он забрел

---

¹ Парацельс взял этот псевдоним в знак уважения к древнеримскому знатоку медицины Авлу Корнелию Цельсу. Paracelsus – букв. «приближенный к Цельсу» (лат.). – *Примеч. пер.*

² В астрологии управитель – планета-«хозяин» того или иного знака зодиака. Различают реального и символического управителей (или соуправителей). В данном случае автор не совсем корректен: правильнее говорить о Марсе как соуправителе, а основным управителем Скорпиона считается Плутон. – *Примеч. пер.*

³ «Швейцарец привержен благородному духу свободы, но также ему свойственна менее приятная отчужденность» (фр.). – *Примеч. ред.*

⁴ Имеется в виду немецкий «филиал» (бальяж) ордена, располагавшийся в маркграфстве Бранденбург. – *Примеч. пер.*

в деревню как целитель – и поселился в этом отдаленном месте на пути паломников⁵. Имел ли он право, рожденный вне брака, носить благородное имя своего отца? Можно лишь догадываться о тех чувствах, что обуревали внебрачного ребенка: одинокий, угрюмый, лишенный первородства, он наверняка вынашивал обиду на родину в уединении лесистой долины, но жадно внимал при этом, не переставая тосковать, паломникам с их рассказами о мире, к которому ему не суждено было вернуться... Светская жизнь и мирские удовольствия были у него, что называется, в крови, однако их пришлось похоронить. Смею сказать, ничто не воздействует сильнее в психическом выражении на окружающую человека среду, в особенности в детском возрасте, чем та жизнь, которую родители не сумели прожить. Словом, мы вправе допустить, что отец оказывал сильнейшее влияние на молодого Парацельса, а тот впоследствии стал вести себя совершенно иначе.

⁵ С отцом его связывала крепкая любовь – быть может, единственная настоящая любовь в его жизни. Только об отце он вспоминал с любовью. Столь верный и преданный сын всегда будет заглаживать вину своего отца. Отцовские смирение и тоска превратятся у такого сына во всепожирающее честолюбие. Отцовские же обида и неизбежное ощущение своей неполноценности сделают сына мстителем за унижение отца. Он поднимет меч против всякой власти и ринется сражаться со всем, притязавшим на *potestas patris*⁶, как если бы то был противник его отца. Утраченное отцом, то, от чего пришлось отказаться – успех, славу, привольную жизнь в большом мире, – сыну предстоит отвоевывать заново. По трагическому закону судьбы, он и сам будет вынужден рассориться со своими друзьями, поскольку к тому понуждает роковая привязанность к единственному настоящему другу – отцу, ведь душевная эндогамия сопряжена с тяжелыми наказаниями.

⁶ Как часто бывает, природа скверно подготовила Парацельса к такому поприщу. Ни намек на героический облик, достойный бунтаря; рост всего около полутора метров, нездоровая одутловатость, слишком короткая верхняя губа, едва прикрывающая зубы (нередкий отличительный признак нервических натур), и почти женственный костяк, столь поразивший всех очевидцев, когда в девятнадцатом столетии его останки эксгумировали в Зальцбурге⁷. В одном предании даже утверждается, что он был евнухом, хотя, насколько мне известно, никаких подтверждений этому не имеется. Так или иначе, романтические чувства, по-видимому, никогда не вплетали свои розы в его земную жизнь, и он не нуждался в их шипах, так как и без того сызмальства отличался колючим норовом.

⁷ Едва достигнув возраста, в котором полагалось братья за оружие, этот маленький человек пристегнул к поясу меч – тот был для него слишком велик, но он редко позволял себе расстаться с этим мечом, ибо в шаровидном навершии прятал пилюли с лауданумом, свой истинный секрет. В таком вот виде – наверняка вызывая усмешки – он отправился покорять мир; удивительные и опасные путешествия заводили его то в Германию, то во Францию, то в Италию, то в Нижние земли⁸, то в Данию, то в Швецию и Россию. Эксцентричный чудотворец, можно сказать, второй Аполлоний Тианский⁹, он, как гласят легенды, странствовал по Африке

⁵ Деревня находится поблизости от Айнзидельнского аббатства, которое с конца I тыс. н. э. является центром паломничества (там находится один из образов так называемой черной мадонны). – *Примеч. пер.*

⁶ Отцовскую власть (*лат.*). – *Примеч. ред.*

⁷ Эксгумацию провели в 1812 г., причем выяснилось, что Парацельса, судя по трещине в черепе, насильственно лишили жизни. – *Примеч. пер.* Парацельс скончался 24 сентября 1541 г. в Зальцбурге, где его и похоронили на кладбище при богадельне Св. Себастьяна, как пишет Якоби в комментариях к изданию избранных сочинений Парацельса. – *Примеч. ред. оригинального издания.*

⁸ То есть в историческую область в нижнем течении и в дельтах рек Рейн, Шельда и Маас. Эта область охватывала территорию, соответствующую современным Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и (частично) северной Франции. – *Примеч. пер.*

⁹ Древнегреческий философ, мистик и чародей; о нем и чудесах, которые он творил, уже в древности слагались многочисленные легенды. – *Примеч. пер.*

и Азии, где раскрывал величайшие тайны. Он не посещал регулярных занятий, так как подчинение любому авторитету было для него табу. Этот человек сделал себя сам (*selfmade*), он придумал для себя удачный девиз «*Alterius non sit, qui suns esse potest*»¹⁰, меткое и подходящее для швейцарца выражение. Обо всем, что выпадало на долю Парацельса в его бесконечных странствиях, нам остается лишь догадываться, но вовсе не исключено, что эти события беспрестанно воспроизводили историю, случившуюся в Базеле. В 1525 году, уже прославившись как врач, он прибыл в Базель по призыву городского совета, причем последний проявил в этом случае редкое здравомыслие (подобное происходит порой в ходе истории рода людского, о чем говорит и назначение молодого Ницше¹¹). Вообще призвание Парацельса состоялось при достаточно малоприятных обстоятельствах, ибо Европа в ту пору страдала от беспрецедентной эпидемии сифилиса, разразившейся после Неаполитанской кампании¹². Парацельс занял должность городского врача, но вел себя неподобающе, по мнению местного университета и почтительной поначалу публики. Ученых он возмутил тем, что читал свои лекции на «языке конюхов и поварят», то есть на немецком¹³, а публика негодовала на то, что он расхаживает по улицам не в мантии, как это полагалось ему по статусу, а в рабочей куртке. Среди коллег он считался самым ненавистным человеком в Базеле, а его медицинские трактаты беспощадно критиковались. Он был известен как «бешеный бык» и как «дикий осел из Айнзидельна». Парацельс расплатился с недругами сполна, извергая на них потоки непристойной брани (увы, поистине прискорбное зрелище).

⁸ В Базеле судьба нанесла удар, немало омрачивший его жизнь: он потерял друга и любимого ученика, гуманиста Иоганна Опорина¹⁴, который подло предал учителя и снабдил его врагов новым оружием. Впоследствии Опорин пожалел об этом своем поступке, но было уже поздно и ущерб не поддавался исправлению. Впрочем, все это нисколько не смягчило высокомерия и непокорности Парацельса; напротив, из-за предательства ученика он стал вести себя еще стротивее. Вскоре он вновь отправился странствовать и в путешествиях жил преимущественно бедно, нередко опускаясь до нищенства.

⁹ Когда ему исполнилось тридцать восемь лет, случилась характерная перемена, отразившаяся и на его сочинениях, в числе которых, наряду с медицинскими трактатами, стали появляться философские. Быть может, слово «философский» не вполне передает суть этих духовных сочинений; правильнее называть их «гностическими». Вообще, подобная примечательная психическая перемена обыкновенно происходит после прохождения середины жизненного пути, ее можно описать как обращение психического потока вспять. Лишь изредка такое подспудное изменение направления чувств проявляется на поверхности, для большинства людей оно, как и все прочие важные события в жизни, остается за порогом осознания. У могучих же умов оно предстает в форме преобразования интеллектуальной рассудительности в своего рода спекулятивную, или интуитивную, духовность, как было, например, с Ньютоном, Сведенборгом¹⁵ и Ницше. У самого Парацельса напряжение между противоположностями духа было не столь выраженным, но все же достаточно заметным.

¹⁰ «Не должен принадлежать другому тот, кто может принадлежать себе» (лат.). – *Примеч. ред.*

¹¹ В возрасте 24 лет Ницше, который еще не закончил обучение в университете, пригласили на должность профессора классической филологии в Базельский университет. – *Примеч. пер.*

¹² Эпизод Второй итальянской войны (1499–1504), совместное нападение французов и испанцев на Неаполитанское королевство. – *Примеч. пер.*

¹³ То есть не на благородной латыни, как полагалось уважающим себя и общество ученым мужам. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Швейцарский ученый, книжник и печатник; среди прочего опубликовал первый перевод Корана на латынь и фундаментальный медицинский труд Везалия «О строении человеческого тела». – *Примеч. пер.*

¹⁵ Э. Сведенборг – шведский естествоиспытатель, натурфилософ и христианский мистик, утверждал, что вступал в мысленные контакты с жителями других планет. – *Примеч. пер.*

¹⁰ Теперь, когда мы кратко описали внешние условия и перипетии его личной жизни, настала пора обратиться к Парацельсу как к человеку духовному, и тут мы вступаем в мир идей, будто бы необычайно темный и загадочный для наших современников, которые в целом не обладают специфическими знаниями о позднесредневековых умонастроениях. Прежде всего Парацельс, хотя и высоко ценил Лютера, умер добрым католиком – поистине дикий противоречие его языческой философии. Вряд ли следует думать, что католицизм был для него всего-навсего стилем жизни. Полагаю, вероисповедание было для него чем-то совершенно непонятным, над чем он никогда всерьез не задумывался, иначе у него непременно возникли бы затруднения как с церковью, так и с собственными чувствами. Парацельс явно принадлежал к числу тех людей, которые привыкли разделять разум и чувства, которые благополучно мыслят, полагаясь на силу разума, и потому им не грозит риск столкнуться с убеждениями, проистекающими из чувств. Поистине, это настоящее облегчение, когда одна рука не ведает, что творит другая, и будет праздным любопытством желать узнать, что случится, если обе руки когда-нибудь все-таки столкнутся. В те дни, если все шло хорошо, руки не сталкивались между собой; такова отличительная черта того столетия, не менее загадочная, как и, скажем, воззрения папы Александра VI и всего высшего духовенства Чинквеченто¹⁶. В искусстве из-под юбок церкви выпросталось веселое язычество, а в философии из-под завесы схоластических споров выбралось язычество духа, которое воплотилось в возрождении неоплатонизма и натурфилософии. Среди иных учений особенно выделялся неоплатонизм гуманиста Марсилио Фичино¹⁷, повлиявший на Парацельса и на многие другие честолубивые и «современные» умы той эпохи. На мой взгляд, крайне показательным для взрывного, революционного и футуристического духа того времени, оставляющего далеко позади протестантизм и предвосхищающего век девятнадцатый, является девиз книги Агриппы Неттесгеймского «*De incertitudine et vanitate scientiarum*» («О тщете наук», 1527)¹⁸:

*Nullis his parcat Agrippa,
contemnit, scit, nescit, flet, ridet,
irascitur, insectatur, carpit omnia,
ipse philosophus, daemon, heros, deus et omnia*¹⁹.

¹¹ Близились новая эра, ниспровержение авторитета церкви шло полным ходом, а следом исчезала и метафизическая уверенность готского человека²⁰ (*gotischen Menschen*). В латинских странах при этом античность прорывалась в культуру во всех мыслимых формах, но в варварских германских странах вместо возврата к классическим временам люди поддались первобытному опыту духовного во всей его непосредственности – в разных формах и на разных уровнях, олицетворением чего служат такие замечательные мыслители и поэты, как Майстер Экхарт, Агриппа, Парацельс, Ангелус Силезиус и Якоб Беме²¹. Все они являли миру собственную варварскую и могучую оригинальность, изъясняясь непривычным языком, порывавшим с

¹⁶ Чинквеченто (*ит.*) – букв. «XVI столетие»; в истории искусства так принято обозначать этап развития искусства эпохи Возрождения. Александр VI – папа римский из рода Борджиа, легендарное «чудовище разврата», как утверждали его политические противники, и маниакальный убийца-отравитель, «аптекарь сатаны». – *Примеч. пер.*

¹⁷ Итальянский философ, астролог, один из ведущих мыслителей раннего Возрождения. – *Примеч. пер.*

¹⁸ Агриппа – немецкий гуманист, врач, алхимик, натурфилософ, оккультист и астролог.

¹⁹ «Не щадит никого Агриппа; он презирает, знает, не знает, плачет, смеется, гневается, язвит, придирается ко всему; будучи сам философом, демоном, героем, богом и всем прочим» (*лат.*). – *Примеч. ред.*

²⁰ Или «готического»; такое обозначение Средневековья было распространено в немецкоязычной литературе 1920-х и 1930-х гг. – *Примеч. пер.*

²¹ Майстер Экхарт – немецкий богослов и философ, один из крупнейших христианских мистиков. Ангелус Силезиус – немецкий мистик, богослов и поэт. Якоб Беме – немецкий христианский мистик, обратился к философии под влиянием видений. – *Примеч. пер.*

традицией и авторитетом. Не считая Беме, наиболее яростным среди этих бунтовщиков был, по всей видимости, как раз Парацельс. Его философская терминология настолько индивидуальна и произвольна, что далеко превосходит «крепкие слова» (*Worte der Macht*) гностиков²² эксцентричностью и напыщенностью стиля.

¹² Высшим космогоническим принципом, соответствующим гностическому демиургу, выступает Илиастр (*Yliaster*), или Гиластр (*Hylaster*), этакое сочетание материи (*hyle*) и звезды (*astrum*). Наверное, можно перевести это слово как «космическая материя». Перед нами нечто вроде «Единого» Пифагора и Эмпедокла, или *Heimarmene*²³ стоиков, – то есть примитивное понимание первичной материи или энергии. Греко-латинская «чеканка» идеи – не более чем модный стилистический росчерк, культурное облачение очень древней идеи, которая очаровывала уже досократиков; впрочем, нет оснований предполагать, будто Парацельс унаследовал эту идею от них. Архетипические образы принадлежат человечеству в целом и могут самопроизвольно возникать в голове любого из нас в любое время и в любом месте; для нового их появления требуются лишь благоприятные обстоятельства. Подходящий миг всегда наступает, когда та или иная картина мира рушится, сметая все формулы, призванные дать окончательный ответ на великие вопросы жизни. На самом деле все вполне соответствует психологическому закону, по которому человек, когда все лишённые корней боги возвращаются, чтобы поселиться в нем, восклицает: «*Ipse philosophus, daemon, heros, deus et omnia*», а когда религия, прославляющая дух, исчезает, вместо нее должен явиться изначальный образ творческой материи.

¹³ В полной противоположности христианской точке зрения высший принцип Парацельса совершенно материалистичен. Духовное начало стоит у него на втором месте, это *anima mundi*, происходящая из материи, «*Ideos*» или «*Ides*», «*Mysterium magnum*»²⁴ или «*Limbus major*»²⁵, духовное существо, незримое и неосязаемое». Все содержится в нем в форме платоновского «эйдолона», архетипа, зачатка идеи, быть может, внушенной Парацельсу Марсилио Фичино. «Лимб» представляет собой круг. Одушевленный мир образует больший круг, а человек есть «*Limbus minor*», меньший круг. Это микрокосм. Следовательно, все внешнее одновременно находится внутри, а все, что сверху, находится внизу. Между всеми объектами больших и меньших кругов царит «соответствие» (*correspondentia*), и пределом такого понимания становится *Homo maximus*²⁶ Сведенборга, поистине гигантская антропоморфизация вселенной. В более простом представлении Парацельса антропоморфизация отсутствует. Для него человек и мир суть скопления живой материи, причем данное понятие отчасти родственно научным концепциям конца девятнадцатого столетия, вот только Парацельс мыслил не механистически, в терминах косной химической материи, а размышлял примитивным, анимистическим образом. Для него природа кишела ведьмами, инкубами, суккубами, дьяволами, сильфами и ундинами. Одушевление, переживаемое психически, было одновременно одушевлением природы. До гибели всего психического, имевшей место в научном материализме, было далеко, но Парацельс готовил для нее почву. Будучи анимистом соответственно варварскому складу ума, он был и стихийным материалистом. Материя, нечто, бесконечно распределенное в пространстве, есть полная противоположность той совокупности органического, которое воплощает психика. Миру сильфов и ундин скоро придет конец, он воскреснет лишь в психологи-

²² То есть заклинания гностической магии; подробнее см. Афонасин Е. В. Гносис. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. — Примеч. пер.

²³ Воплощение неизбежной участи у стоиков; в мифологии отождествлялось с богиней судьбы Ананке. — Примеч. пер.

²⁴ Мировая душа (лат.), образ (греч.), «великая тайна» (лат.). — Примеч. ред.

²⁵ Большой круг (лимб) (лат.). — Примеч. ред.

²⁶ Букв. «пределный человек» (лат.); в представлении Сведенборга это небеса, населенные ангелами, или образ Божий, «когда все люди трудятся вместе в радости, движимые божественной любовью и направляемые божественной мудростью». — Примеч. ред.

ческую эпоху, когда начнут дивиться тому, как такие древние истины можно было забыть. Но, конечно, гораздо проще предполагать, что непонятное для нас попросту не существует.

¹⁴ Мир Парацельса, большой и малый, состоял из одушевленных частиц, или *entia*²⁷. Болезни тоже являлись *entia*, причем различались *ens astrorum*, *veneni*, *naturale*, *spirituale u ideale*²⁸. Великая эпидемия чумы, которая свирепствовала в те годы, была вызвана, как разъяснял Парацельс в письме к императору²⁹, суккубами, зачатыми в публичных домах. Сущность (*ens*) выступала как «духовное существо», и потому Парацельс писал в своей книге «Paragranum»: «Болезни – не тела, посему надлежит использовать дух против духа». Он имел в виду, что, согласно учению о соответствии, для каждой *ens morbi*³⁰ существует природный «агсанум»³¹, каковой возможно применить в качестве специфического лекарства против соответствующей болезни. По этой причине он описывал болезни не клинически или анатомически, а с точки зрения их специфики; например, «винные» болезни, которые можно вылечить особым «секретом», то бишь зубным камнем. Парацельс, что не удивительно, высоко ценил учение о сигнатурах (*Lehre der Signaturen*)³², которое, по-видимому, выступало одним из главных направлений народной медицины тех дней: его практиковали повивальные бабки, армейские хирурги, ведьмы, шарлатаны и палачи. Согласно этому учению, растение, к примеру, с листьями в форме руки, полезно при заболеваниях рук, и тому подобное.

¹⁵ Болезнь для Парацельса была «естественным развитием, духовным, живым существом, семенем». Можно смело утверждать, что в его понимании болезнь являлась правильной и необходимой составной частью жизни, что она жила рядом с человеком, а не представлялась ненавистным «чужеродным телом», как сегодня. Заболевания были сродни самим «секретам», что присутствовали в природе; а последние, будучи составными частями природы, для нее так же необходимы, как болезни для человека. Пожалуй, наш современник-врач пожал бы Парацельсу руку и сказал: «Вряд ли все обстоит в точности так, но вы близки к истине». Весь мир, говорил Парацельс, есть аптекарская лавка, а Бог – главный аптекарь.

¹⁶ Ум Парацельса типичен для любого переходного периода. Неустанно ищущий и отвергающий узы разум вырывается на свободу, отвергая духовный взгляд на мир, за который продолжают цепляться чувства. *Extra ecclesiam nulla salus*³³ – это изречение в высшей степени приложимо ко всякому человеку, духовное преображение которого увело за пределы магического круга традиционных святых образов, каковые, как истина в последней инстанции, закрывают обзор: он теряет все утешительные предрассудки, весь мир рушится, ибо этот человек еще ничего не знает об ином миропорядке. Он обеднел, впал в невежество сродни неведению малого ребенка, он не подозревает о близости нового мира и способен лишь с немалым трудом припоминать вековой опыт человечества, говорящий с ним через память крови. Все авторитеты отринуты, и человеку предстоит построить новый мир на собственном опыте.

¹⁷ В своих дальних странствиях Парацельс накопил богатые впечатления, не пренебрегая даже мрачайшими источниками, как и подобало непревзойденному прагматику и эмпирику. Весь этот первичный материал он воспринимал без предрассудков, одновременно черпая из первобытной тьмы собственной психики основополагающие для творчества философские идеи. Старые языческие верования, оживавшие в жутких народных суевериях, тщательно

²⁷ Сущностей (лат.). – Примеч. ред.

²⁸ Сущность звездная, ядовитая, естественная, духовная и идеальная (лат.). – Примеч. ред.

²⁹ Имеется в виду правитель Священной Римской империи Максимилиан I. – Примеч. пер.

³⁰ Болезненной, злокозненной сущности (лат.). – Примеч. ред.

³¹ Зд. тайное лекарство, снадобье (лат.). – Примеч. ред.

³² Более распространено понятие «симпатическая магия», или «магия подобия»; см. «Золотую ветвь» Дж. Фрезера. – Примеч. пер.

³³ Вне церкви нет спасения (лат.). – Примеч. ред.

вылавливались. Христианская духовность возвращалась к первобытному анимизму, и из нее Парацельс, благодаря схоластической подготовке, сумел состряпать философию, не имевшую христианского прообраза, зато изрядно напоминавшую способ мышления ненавистных врагов церкви – гностиков. Как всякий безжалостный новатор, отвергающий авторитет и традицию, он подвергся опасности вернуться к тому самому мировоззрению, каковое авторитет и традиция, в свою очередь, когда-то отвергли, и так зайти в разрушительный тупик, откуда нет выхода. Отдадим ему должное; разум его блуждал повсюду и проникал в далекое прошлое, но благодаря тому обстоятельству, что чувствами он продолжал цеплялись за традиционные ценности, полный регресс удалось предотвратить. В итоге такого невыносимого противостояния регресс переродился в развитие. Парацельс не отрицал духа, в который верил чувствами, но воздвигал рядом с ним контрпринцип материи: земля противоположна небу, а природа противоположна духу. По этой причине он не стал слепым разрушителем, гением-шарлатаном, как Агриппа, а сделался отцом естествознания, пионером нового духа, и как таковой по праву почитается по сей день. Он наверняка покачал бы головой, доведись ему услышать идеи, за которые его больше всего почитают некоторые современные ученики. Его выстраданным открытием был вовсе не «панпсихизм» – тот еще цеплялся за него как пережиток первобытной *participation mystique*³⁴ с природой; открытием оказалась сама материя и ее свойства. Сознание той эпохи и доступное состояние знаний не позволяли взирать на человека вне рамок природы в целом. Этот шаг состоялся уже в девятнадцатом столетии. Неразрывное, бессознательное единство человека и мироздания признавалось неоспоримым, но разум Парацельса уже начал восставать, опираясь на инструменты научной эмпирики. Современная медицина больше не трактует психику как простой придаток тела, она вынуждена принимать во внимание и учитывать «психический фактор». В этом отношении она приближается к представлению Парацельса о физически одушевленной материи, в результате чего весь духовный опыт ученого предстает в новом свете. Парацельс был первооткрывателем медицины своего времени, а сегодня он – символ важных изменений в нашем понимании природы болезней и самой жизни.

---

³⁴ Мистической сопричастности (*фр.*), термин французского этнографа Л. Леви-Брюля, характеризующий «дологическое» первобытное мышление. – *Примеч. пер.*

II. Парацельс как врач

Выступление перед Швейцарским обществом истории медицины и естественных наук на ежегодном собрании Общества исследований природы 7 сентября 1941 г. в Базеле в ознаменование 400-летия со дня смерти Парацельса. Первая публикация: «Schweizerische medizinische Wochenschrift» (Базель), 81 (1941): 40, 1153–1170. Книжное издание: «Paracelsica. Zwei Vorlesungen über den Arzt und Philosophen Theophrastus» (Цюрих, 1942 г.).

¹⁸ Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с сочинениями этого великого врача, чьей памяти мы воздаем должное сегодня, знает, что невозможно в одной лекции уместить все достижения, которые сделали имя Парацельса бессмертным. Он пронесся по своей эпохе поистине как буря (*Sturmwind*), вырывая с корнем все подряд и оставляя за собой груды обломков. Подобно извергающемуся вулкану, он опустошал и разрушал, но одновременно оплодотворял и оживлял. Невозможно судить его по справедливости: этого человека можно только недооценивать или переоценивать, и потому, сколько бы усилий ни приложил, всегда будешь оставаться неудовлетворенным собой в попытках постичь характер и разнообразие дарований и свершений Парацельса. Даже если сосредоточиться лишь на Парацельсе-«враче», этот врач предстает перед нами в такой обилии проявлений и столь часто меняет облик, что любой его словесный портрет неизбежно грозит превратиться в лоскутное одеяло. Поразительные по своему содержанию литературные труды Парацельса здесь почти не помогают, не устраняют общего впечатления путаницы; к тому же не будем забывать, что по сей день ряд наиболее важных его произведений подвергается сомнениям с точки зрения их подлинности, а в самих текстах встречается чрезвычайно много противоречий и загадочных терминов, которые делают Парацельса одним из величайших *tenebriones*³⁵ той эпохи. В нем все чрезмерно преувеличено, все как-то чересчур и в избытке. Длинные и унылые рассуждения – по сути, полнейшая чепуха – чередуются с вдохновенными озарениями, столь глубокими и проницательными, что никак не удастся отделаться от неприятного ощущения: быть может, ты каким-то образом упустил из виду основную нить его доводов.

¹⁹ К сожалению, не могу ни назвать себя специалистом по Парацельсу, ни притязать на всеохватное знакомство с его *Opera omnia*³⁶. Если кому-либо понадобится по роду деятельности обратиться к чему-либо в той эпохе, помимо самого Парацельса, то вряд ли он сумеет добросовестно и скрупулезно изучить две тысячи шестьсот страниц издания Хузера 1616 года или еще более полное издание Зюдхоффа. Парацельс – это океан или, выражаясь более страстно, первозданный хаос, алхимический тигель, в который люди, боги и демоны той великой поры (речь о первой половине шестнадцатого столетия) щедро вливали свои гуморы³⁷. Первым бросается в глаза при чтении его произведений желчный и сварливый норов автора. Он постоянно бранит ученых врачей, нападает на признанные авторитеты вроде Галена, Авиценны, Разеса³⁸ и прочих и не щадит всех остальных. Единственными исключениями (кроме Гиппократов) для него выступают алхимические светила – Гермес, Архелай, Мориен³⁹ и другие;

³⁵ Букв. «темных [умов]» (лат.), трудных для понимания мыслителей. – *Примеч. ред.*

³⁶ Полным сводом трудов (лат.). – *Примеч. ред.*

³⁷ В натурфилософии гуморы – четыре основные жидкости тела: кровь, слизь, желтая и черная желчь. – *Примеч. пер.*

³⁸ Абу Бакр Мухаммад ар-Рази, персидский ученый, врач, алхимик и философ. – *Примеч. пер.*

³⁹ Гермес Трисмегист – легендарный философ и пророк, автор теософского по духу учения, излагаемого в известных под его именем книгах и отдельных отрывках. Архелай – древнегреческий натурфилософ, считается учителем Сократа; утверждал, что мир был сотворен сгущением и разрежением первоначал. Мориен – легендарный христианский отшельник конца VII века, автор алхимического трактата, с которого фактически началось увлечение Западом алхимией (опубл. в 1559 г.). – *Примеч. пер.*

их он цитирует с одобрением. В целом он не нападает ни на астрологию⁴⁰, ни на алхимию, ни на какие-либо народные суеверия. Потому его произведения – кладезь полезных сведений для фольклористов. Лишь несколько трактатов, вышедших из-под пера Парацельса (не считая богословских), избавлены от фанатичной ненависти к ученой медицине. Снова и снова натываешься в его сочинениях на яростные выпады, за которыми явно стоят общая озлобленность и личные обиды. Совершенно ясно, что это уже не объективная критика; это плод многочисленных личных разочарований, особенно горьких вследствие того, что Парацельс не осознавал собственных недостатков. Я упоминаю об этом факте не для того, чтобы привлечь внимание к личной психологии, а для того, чтобы подчеркнуть одно из главных впечатлений от его сочинений; именно такое впечатление выносит читатель. Едва ли не на каждой странице мы наблюдаем человеческую, зачастую слишком человеческую⁴¹ печать этой странной и могущественной личности. Говорят, что его девизом было выражение «Alterius non sit, qui suus esse potest» («Да не станет чужим тот, кто может быть собой»⁴²); если тут подразумевалась безжалостная, чтобы не сказать – жестокая, приверженность свободе, то, конечно, у нас нет недостатка в литературных и биографических доказательствах свободолюбия Парацельса. Между прочим, эта склонность к мятежу и суровость нрава резко противоречили его привязанности к церкви и тому мягкосердечию и сочувствию, какие он проявлял по отношению к своим пациентам, в особенности к обездоленным.

²⁰ Парацельс был одновременно традиционалистом и революционером. Он хранил верность основам церковного вероучения, астрологии и алхимии, но проявлял скепсис и восставал, на практике и в теории, против ученой медицины. Во многом именно этому обстоятельству он обязан своей известностью, а в остальном лично я затрудняюсь отыскать какое-либо медицинское открытие фундаментального свойства, которое восходило бы непосредственно к Парацельсу. Важное для нас причисление хирургии к области медицины для Парацельса было не развитием новой науки, а всего-навсего заимствованием плодов ремесла цирюльников и полевых хирургов, наряду с плодами ремесла повитух, ведьм, колдунов, астрологов и алхимиков. Пожалуй, следует заранее принести извинения за столь еретические слова, но мне кажется, что Парацельс, живи он сегодня, оказался бы стойким защитником всех тех занятий, которые ученой медицине не позволяет принимать всерьез, будь то остеопатия, магнитопатия, иридодиагностика⁴³, исцеление верой, различные диеты или что-то еще. Если на мгновение вообразить чувства преподавателей современного университета, где вдруг открылись кафедры иридодиагностики, магнитопатии и «Христианской науки»⁴⁴, то мы вполне сможем понять возмущение медицинских факультетов Базеля по поводу Парацельса – тот сжигал классические учебники по медицине, читал свои лекции на немецком языке и, презирая надлежащее ученое облачение, расхаживал по улицам в рабочей куртке. Славная базельская карьера «дикого осла из Айнзидельна», как его называли, завершилась быстро. Проказы Парацельсова духа были неприемлемы для почтенных врачей того времени.

²¹ В этом отношении у нас есть ценное свидетельство современника-врача, ученого доктора Конрада Гесснера из Цюриха. Это письмо, написанное на латыни, личному врачу импе-

⁴⁰ По крайней мере, не нападает прямо, однако он решительно отвергает всевозможные суеверные злоупотребления астрологией. – *Примеч. авт.*

⁴¹ В работах Юнга регулярно встречается эта отсылка к одноименному сочинению Ф. Ницше. – *Примеч. пер.*

⁴² Перевод выполнен по немецкому тексту; ср. перевод того же выражения с латыни в предыдущей статье (абз. 7). – *Примеч. ред.*

⁴³ Магнитопатия (тж. магнитотерапия) – лечение посредством «наложения» магнитного поля (в первую очередь естественного, или животного, свойства). Иридодиагностика – постановка диагноза по радужной оболочке глаза. – *Примеч. пер.*

⁴⁴ «Христианская наука» – религиозное движение на основе либерального протестантизма, проповедует возможность обретения человеком «разума Христа» и подлинно духовного состояния вне телесных (бренных) ограничений». – *Примеч. пер.*

ратора Фердинанда I Крато фон Краффтгейму от 16 августа 1561 года⁴⁵. Пускай текст составлен через двадцать лет после смерти Парацельса, в нем до сих пор ощущаются отголоски тех чувств, которые Парацельс вызывал у окружающих. Отвечая на вопрос Крато, Гесснер заявляет, что у него нет списка сочинений Парацельса и вообще он не видит надобности в таком, поскольку имя Теофраста совершенно недостойно упоминать рядом с именами уважаемых авторов, не говоря уж о врачах-христианах, а тем более заодно с именами благочестивых граждан, к коим можно отнести и язычников. Сам Парацельс и его последователи – мерзкие еретики-ариане⁴⁶. Более того, Теофраст не чужд колдовству и призывает демонов. «Базельский *Carolostadius*⁴⁷, – продолжает Гесснер, – рекомый Боденштайном⁴⁸, несколько месяцев назад он прислал сюда для печати трактат Теофраста «*De anatome corporis humani*»⁴⁹. В оном сей муж [Теофраст] уязвляет насмешкой врачей, каковые изучают отдельные части тела и тщательно определяют их местоположение, форму, число и природу, но забывают о самом главном, а именно, о том, каким звездам и каким областям неба подчинена каждая такая часть».

²² Гесснер заканчивает письмо лапидарно: «По счастью, наши типографы отказались печатать сей труд». Еще письмо сообщает, что Парацельса не считали одним из «*boni scriptores*»⁵⁰. Его даже подозревали в занятиях различными видами магии и, хуже того, в приверженности арианской ереси⁵¹. Оба проступка в те времена признавались тяжким преступлением. Подобные обвинения отчасти объясняют, полагая, неугомонность Парацельса и его тягу к странствиям, которая никогда его не покидала и гнала из города в город через пол-Европы. Не исключено, что он просто-напросто опасался за собственное благополучие и доброе здравие. Нападки Гесснера на трактат «*De anatome corporis humani*» оправданы в том отношении, что Парацельс и вправду насмеялся над анатомическим вскрытием, которое тогда начинали практиковать, и утверждал, что врачи вообще ничего не видят в разрезанных органах. Сам он интересовался преимущественно космическими соотношениями органов, как учила астрологическая традиция. Свое учение об «*astrum in corpore*»⁵² он проповедовал повсеместно, оно излагается в каждом его труде. Верный представлению о человеке как о микрокосме, он находил «небесную твердь» в человеческом теле и называл ту *astrum* или *Sydu*⁵³. Созвездия этих эндосоматических [внутри организма] небес не совпадали с астрономическими; они устанавливались по рождению человека, по «асценденту»⁵⁴ или гороскопу.

²³ Письмо Гесснера ясно показывает, как воспринимали Парацельса коллеги-современники, уважаемые в своем деле. Однако теперь попробуем составить представление о Парацельсе-враче из его собственных сочинений. Для этого я позволю Парацельсу высказаться самому, но, поскольку в его текстах довольно много тех слов, что были им придуманы, мне придется время от времени кое-что уточнять и комментировать.

²⁴ Частично удел врача состоит в том, чтобы усваивать специальные знания. Парацельс тоже придерживался этого мнения⁵⁵. Сам он, кажется, учился в Ферраре и получил там док-

⁴⁵ См. *Epistolarum Conradi Gessneri, libri III, fol. 2.* — *Примеч. авт.*

⁴⁶ Основное положение арианской ереси – что Сын Божий – это не Бог, а Божье творение, Он не единосущ и не подобен Богу. — *Примеч. пер.*

⁴⁷ Букв. «человек из Карлостадия» (*лат.*), то есть из Карлштадта. — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Имеется в виду Адам фон Боденштайн, издатель книги «*Vita Longa*» и ученик Парацельса из Базеля. — *Примеч. авт.*

⁴⁹ «Об анатомии человеческого тела» (*лат.*). — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Зд. «благонамеренных сочинителей» (*лат.*). — *Примеч. ред.*

⁵¹ Сам Парацельс упоминал об этом обвинении в «Ересиархе». См. *Paragranum*, предисловие. — *Примеч. авт.*

⁵² «Звездах в теле» (*лат.*). — *Примеч. ред.*

⁵³ Звезда, созвездие, светило, небесное тело (*лат.*). — *Примеч. ред.*

⁵⁴ В астрологии асцендент – восходящий знак, астрологический знак в восточной части неба на момент рождения человека. — *Примеч. пер.*

⁵⁵ Правда, ставил одно занятное условие: «сотворенный» врач должен быть в сотню раз трудолюбивее врача «прирожден-

торскую степень. Еще он изучал классическую медицину по Гиппократу, Галену и Авиценне, уже усвоив некий набор знаний от своего отца. В книге «Paragranum» об искусстве врача говорится так: «Что же такое искусство врача? Надлежит ему ведать, что полезно, а что вредно для неосязаемого, для *belius marinis*⁵⁶, для рыб, что приятно и неприятно, здорово и нездорово для животных; сии суть искусства, к естественному порядку относящиеся. Что еще? Благословения ран и их силу, почему и по какой причине они действенны; каковы *Melosina* и *Syrena*, *permutatio*, *transplantatio* и *transmutatio*⁵⁷ и как их нужно понимать; что возвышается над природой, что выше вида, что выше жизни, что зримо и что незримо, что производит сладость и горечь, каков вкус, что такое смерть, что полезно рыбакам, что должно быть ведомо гонцу, кожевнику, красильщику, кузнецу и плотнику, что принадлежит кухне, погребу, огороду, что принадлежит времени, о чем осведомлены охотник и горец, что подобает страннику, а что человеку оседлому, чего требует война, что приносит мир, почему одни клирики, а другие миряне, каково всякое призвание и на что оно обращено, что есть Бог, что сатана, что такое яд и противоядие, что особенного в женщинах и в мужчинах, что отличает женщин от девиц, желтое от белого, белое от черного, красное от желтого во всем на свете, почему тут один цвет, а там другой, почему одно коротко, а другое длинно, почему одни преуспевают, а другие терпят неудачу; и в чем это знание применимо ко всему вокруг».

ного», ведь последний все познает благодаря «свету природы». – Примеч. авт.

⁵⁶ Морских чудищ (лат.). – Примеч. ред.

⁵⁷ Мелюзина и Сирена, пермутация [перестановка, смешение], трансплантация [пересадка] и трансмутация [превращение] (лат.). – Примеч. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.